

И. В. Побережников
УРАЛ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (XVI — НАЧАЛО XX в.):
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ*

При кажущейся внешней простоте постановка проблемы региональной истории в страновом контексте требует на самом деле углубленного теоретического осмысления и поиска адекватных методологических приемов анализа. Традиционная региональная история, как и традиционная страновая история, ориентируется на использование историко-генетического или хронологического («исторического») подхода, на реконструкцию последовательности событий и процессов, на выявление причин и следствий. Подобный подход имеет прочную легитимацию, обеспеченную длительной практикой его применения, однако возможности его не безграничны. В частности не следует преувеличивать «порождающую силу» историзма, поскольку генезис объекта еще не дает понимания сути самого объекта. Как остроумно заметил известный русский литературовед А. П. Скафтымов, «из желудя не пойдем дуба, из динамо-машины и проводов не увидим электрического света, из органической химии не узнаем живых организмов, из знания нервных и мозговых процессов не получим живого душевного переживания, из условий наследственности, воспитания и среды не узнаем живого человека и его конкретности, хотя между всем этим есть причинная связь».¹ Данное рассуждение вполне применимо и к историческим процессам, которые нельзя сводить лишь к временному измерению и цепочкам каузальных зависимостей. Предлагаемый нами подход, напротив, в первую очередь ориентирует на определение сути изучаемого явления (в данном случае — Уральского региона в его историческом выражении), его «функции», «места», исторического и субъективного «смысла». В этой связи данный подход, в противоположность

традиционному историческому, можно квалифицировать как «теоретический».

В целом в качестве теоретического фундамента при изучении истории Урала в контексте российской истории может быть использован структурационный подход (учитывающий диалектику структур и действий, позволяющий внятно объяснять взаимодействия между общественными процессами разных уровней, в том числе между историческими макро- и микропроцессами, в глобальном, цивилизационном, страновом, региональном, локальном масштабах) и модель «центр — периферия» (предоставляющая познавательный инструмент для выявления взаимодействий центра и территорий, позволяющая органично инкорпорировать историю региона в общестрановую историю на «партнерских правах»), что было обосновано нами в предшествующем исследовании.² Структурационная и центр-периферийная модели дают теоретический «трамплин» для разработки ряда теоретико-методологических проблем, связанных с тематизацией включения региональной истории в общестрановую контекст.

Интеграция

Значимой представляется проблема интеграции региона в страновое пространство (институционализация его взаимоотношений с центром, в конечном итоге гомогенизация пространства в масштабах страны). При этом интеграция должна пониматься как многоуровневый и многоаспектный процесс, не сводимый лишь к институционально-политическому измерению, но включающий и хозяйственно-экономические, и социокультурные аспекты. Интеграция не исчерпывается моментом политического присоединения той или иной территории; напротив, данный момент служит, как правило лишь началом, отправной точкой длительного социоинтегративного процесса.

Основы интеграции Урала в состав России были заложены русской колонизацией края в XV–XVII вв., миграционными процессами, которые привели в конечном счете к склады-

¹ Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 23.

Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: pober@r66.ru

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)»

² См.: Побережников И. В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы // Урал. ист. вестн. 2012. № 2 (35). С. 118–126.

ванию в регионе многоэтничного по составу населения, к формированию единого историко-культурного ареала. Возникшие на Урале группы русского народа (горнозаводские жители, оренбургские и уральские казаки, локальные отряды крестьянства) длительное время сохраняли местные особенности.³ Включение Урала в состав России осуществлялось как насильственными, так и мирными методами при общем доминировании последних, что, в целом, создавало благоприятные условия для межэтнических и межкультурных взаимодействий. Особенностью интеграции Урала в страновое пространство являлся интенсивный контакт народов, принадлежавших к различным языковым семьям (финно-угорской, тюркской, славянской) и конфессиональным мирам (исламскому и христианскому, в первую очередь), который с конца XVI в. осуществлялся в интервале «длительной исторической протяженности», став постоянным и существенным фактором истории региона, основой формирования регионообразующего межэтнического согласия, этнических и локальных самоидентификаций.⁴ Межэтнические взаимовлияния и заимствования охватывали широкий круг явлений материальной и духовной жизни народов Урала и способствовали взаимообогащению их культур и оптимальной адаптации народностей к условиям своеобразной природной и социокультурной среды. Ярким свидетельством интенсивности, «плотности» межэтнических взаимосвязей стало распространение в зонах тесного этноконтакта двуязычия. Более того, в XVII–XIX вв. на Урале в результате активных контактов между народностями складывались своеобразные симбиозные этнические группы (тептяри и бобыли, кряшены, нагайбаки) и синкретические этнические культуры (например, у уральских марийцев культура формировалась на основе синтеза язычества, христианства, ислама⁵).

³ См.: Миненко Н. А. Русская этнокультурная традиция на Востоке России (XVIII — первая половина XIX века) // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике: докл. Екатеринбург, 1995. С. 50–54; Чагин Г. Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века (этнические традиции материальной культуры). Пермь, 1991.

⁴ См.: Головин А. В. Оттенки этничности на Урале // Антропология социальных перемен. М., 2011. С. 429–444.

⁵ См.: Побережников И. В. Традиционная культура уральских марийцев второй половины XIX в. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 29 ноября–2 декабря 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 238–246.

Важнейшим фактором интеграции региона в страновое пространство выступает развитие транспортной сети, охват территории коммуникациями, включение ее в транспортную систему страны. В этом плане в конце XVI в. огромное значение для интеграции Урала имела прокладка прямой сухопутной дороги от Соликамска до верховьев Туры (Бабиновская дорога), в 7 раз сократившей путь в Сибирь, который пролегал ранее по водным артериям в северных, малодоступных районах Урала. В результате значительно увеличился поток переселенцев на Урал и в Сибирь. Создание же в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало развитию рынка промышленного сырья и топлива, оптимизации внутрирегиональных экономических связей.⁶

Интеграции способствовало также аграрное и торгово-промышленное освоение региона. XV — начало XVII в. в истории Урала — время первичной колонизации (военно-промысловой и аграрной на протяжении XVII столетия). Аграрная колонизация продолжалась и в последующие столетия: так, мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбуржья) началось только с середины XVIII в., а большие массивы свободной земли в Башкирии, Предуралье и Зауралье были распашаны во второй половине XIX — начале XX в. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения населения собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. В XVIII в. в условиях незавершенной аграрной колонизации начинается интенсивное промышленное освоение края, создается сеть крупных металлургических заводов, поставлявших продукцию на мировой рынок.

Свидетельством успешности интеграционных процессов является то, что уже в ранний период регион начинает «работать» не только на себя, но и на соседние районы, на страну в целом. Благодаря созданию в XVII в. в Зауралье мощного хлебопроизводящего района была решена проблема продовольственного обеспечения сибирских городов. В XVII в. приобрели всероссийское значение уральские центры солеварения и торговли, такие как Соликамск и Новое Усолжье, Ирбитская слобода.⁷ Уже в первой четверти XVIII в. горнозавод-

⁶ См.: Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 205–214.

⁷ См.: Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соликамской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений. М., 1957.

ский сегмент уральской промышленности становится ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи.

Ярким индикатором степени интегрированности территории в российских условиях выступала организация местного управления, схема институционализации взаимоотношений региона с центром, призванная обеспечивать согласование локальных (региональных) и общегосударственных интересов.

Сам по себе административно-управленческий фактор играл заметную роль в процессах присоединения и освоения восточных регионов России.⁸ При этом колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны. «Периферийность» Урала в XVI–XVII вв. подчеркивалась подчиненностью его территории, входившей тогда в состав обширной Сибири, специальным центральным органам управления с региональной компетенцией — Посольскому приказу (1580–1590-е гг.), приказу Казанского дворца (в начале XVII в.), наконец, Сибирскому приказу (учрежденному в 1637 г.).

С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, замену в конечном счете исходного многообразия и своеобразия административных форм внутренне усложненной моновариантной моделью, предполагавшей усиление централизации и бюрократизации управления. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры здесь длительное время сохраняли черты «особости», отличающие их от соответствующих структур центральных регионов России, причем эта «особость» возрастала по мере движения на восток.

Что касается Урала, то признаком его «незавершенной» интегрированности, пограничности выступала заметная милитаризация региона, проявлявшаяся в размещении здесь иррегулярных формирований (Уральское, Оренбург-

ское казачество),⁹ в установлении особых военизированных форм администрации, в частности, на юге региона (пост оренбургского генерал-губернатора был упразднен лишь в 1881 г. после того, как край утратил значение пограничного), в запоздалом распространении на регион общероссийских институтов власти. В частности земства как органы местного самоуправления, введенные в стране в 1864 г., появились в Вятской губернии в 1867 г., в Пермской — в 1870-м, в Уфимской — в 1875-м, а в Оренбургской — лишь в 1913 г. Столь поздние сроки организации земского общественного самоуправления в двух последних губерниях были обусловлены их нетипичностью — наличием значительной доли инородческого населения в Уфимской губернии и казачьего — в Оренбургской.

Формирование региональной идентичности

Под региональной (территориальной) идентичностью, отличной от идентичности этнической, понимается «солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом». Региональная идентичность находит выражение в том, что люди причисляют себя к жителям определенной местности, региона, района, города, его части и т. д. Идентичность обладает мощным потенциалом сплачивания людей в устойчивую группу, объединенную общей системой ценностей, сходными реакциями на социальные процессы, единой волей к социальному действию; она может выступать основой для мобилизации общественных сил, как созидательных, так и разрушительных.¹⁰

На первый взгляд, формирование региональной идентичности слабо связано с тематизацией региональной истории в страновом контексте и скорее выступает индикатором региональной самоизоляции, «герметизации», «оукливания». На самом деле это не так. Региональная идентичность формируется как следствие развития процессов территориальной интеграции, приводящих к региональной специализации, профилизации. Сама региональная идентификация осуществляется

⁸ См.: Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007; Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998.

⁹ См.: История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI — первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX — начало XX века.

¹⁰ См.: Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. М., 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. С. 84, 87.

различными способами и предполагает как объективные основания, так и субъективное осознание. Формирование регионального самосознания — кульминация в развитии региональной идентичности, означающая трансформацию исторического пространства, заданного «извне», т. е. сконструированного *наблюдающим* независимо от представлений исторических акторов, в пространство, сконструированное самими участниками социального взаимодействия, которые наделяют его особыми смыслами, выраженными посредством символического универсума системы культуры (посредством социальных мифов об уникальности местообитания, мистических компонентов традиции, примет «малой родины», дизайна пространства), поддерживаемыми коллективной памятью, сложившимися ценностями и нормами, сконструированными самообразами, а также специфическими чертами быта (одежда, диета, особый словарь и т. п.).

При этом более глубокое субъективное осознание региональной идентичности присутствует прежде всего так называемым «вернакулярным» районам (этот термин имеет значение «обыденный, идущий как бы снизу, не связанный с научной или художественной рефлексией, а рожденный словно по наитию, интуитивно»),¹¹ обычно не слишком большим по размерам (например, Мещера, Полесье, Поморье).

Для «больших» регионов, к числу которых относится и Урал, региональная идентичность скорее связана с формированием некоей территориальной общности под воздействием длительного совместного проживания людей на определенной территории. Если воспользоваться терминологией этнологов, такую идентичность можно трактовать как «примордиалистскую».¹² На Урале складывается территориальная общность людей с самобытной системой ценностей — весьма целостная общественная структура, располагающая широким спектром как хозяйственных отраслей, так и социальных ролей. Данный процесс был уско-

рен довольно ранним (уже в XVIII в.) формированием профиля региона как горнозаводского.

Существенное влияние на процесс региональной идентификации Урала оказало складывание здесь в XVIII в., параллельно становлению уральской крупной горно-металлургической промышленности, системы местной горной администрации (речь идет об Уральском горном управлении).¹³ Сфера компетенции Уральского горного управления охватывала предприятия, расположенные в Сибирской, Казанской, Оренбургской губерниях. На протяжении второй и третьей четвертей XVIII в. оно еще не было сугубо уральским учреждением: ему подчинялись горно-металлургические хозяйства Западной и даже Восточной Сибири. Надрегиональный характер института отразился в его наименованиях (например, «канцелярии Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов»). Тем не менее, уже в данный период создание территориально-отраслевой системы управления с центром в Екатеринбурге способствовало ускорению региональной консолидации Урала; обозначился и центр ее — Екатеринбург, замкнувший центростремительные силы, стягивающие Средний и Южный Урал, Приуралье и Зауралье. Функционирование региональной системы управления горно-металлургической промышленностью ускорило выделение уже в XVIII в. Уральского горнопромышленного региона, окончательно приобретшего самобытный административно-территориальный облик во второй половине XIX в.¹⁴

Индикатором динамики регионоформирования служит и выделение определенной территории в качестве сложившегося региона в схемах районирования, которые предлагались учеными-современниками. Так, уже в 1818–1819 гг. известный географ, историк, экономист К. И. Арсеньев в своем основном труде «Начертание статистики Российского государства» идентифицировал «Уральское пространство» как особый регион.¹⁵ Существенный вклад в развитие отечественной экономической географии внес великий русский ученый Д. И. Менделеев. Выделенная им Восточная область включала Вятскую, Казанскую, Уфимскую, Оренбургскую,

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Л. В. Смирнягин приводит показательный пример из книги Патриции Лимерик по истории американского Запада, которую она назвала «Something in the soil» («Что-то особенное в самой почве»). Рефреном в данной книге проходит мысль о том, что сама природная среда и новейшая культурная история американского Запада заставляли его меняться в строго заданном направлении (Limerick P. Something in the soil: legacies and reckonings in the New West. New York; L., 2001). См.: Смирнягин Л. В. Указ. соч. С. 92.

¹³ Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление. М., 2008.

¹⁴ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004. С. 319–357.

¹⁵ См.: Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818. Ч. 1. С. 19, 22–26; СПб., 1819. Ч. 2. С. 157–208.

Пермскую и Самарскую губернии. Перспективу экономического развития Восточной области ученый связывал с удачным сочетанием в ней богатых сырьевых запасов и удобной системы коммуникаций (Волга и Кама).¹⁶

Следует отметить, что Уралу повезло и с рефлексивной региональной идентификацией, той самой, которая обретается путем исследования литературных и визуальных источников самого широкого спектра: путеводителей, записок путешественников; сугубо научных работ по фольклору, диалектам, этнографии, истории; художественной литературы и, разумеется, вообще произведений искусства. С художественным освоением Урала в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стали неисчерпаемые богатства недр (писатели П. П. Бажов, Алексей Иванов, Ольга Славникова и др.).

Вместо заключения хотелось бы наметить еще одну возможную перспективу изучения региональной истории в рамках истории страны — это «*регион в контексте*». Данный подход предполагает две модификации: 1) сравнение страновых и региональных структур (экономических, социальных, профессиональных, ментальных и т. д.); 2) определение роли и места региона в общестрановых процессах (например, в индустриализации, урбанизации, профессионализации, секуляризации, бюрократизации, демократизации и т. д.). Анализ региональной истории в подобном русле, с одной стороны, позволяет уточнить наши представления о своеобразии региона, о его значении для страны в целом, а с другой — углубляет наши знания об истории страны в целом, которую в конечном итоге как раз и формируют региональные истории.

Ключевые слова: *Урал, Россия, регион, методология, интеграция, контекст, освоение, колонизация, коммуникации, административно-управленческий фактор, идентичность, образ*

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: pober@r66.ru

THE URALS IN THE RUSSIAN HISTORY (THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES): RESEARCH METHODOLOGY

The author outlined methodological approaches to the study of the regional history of the Urals in a wider national context based on structuration theory and the center-periphery model. The first approach involves the identification of channels and levels of the region's integration with the national institutional and political, economic, and socio-cultural environment. The second one is focused on the study of dynamics of the regional identity formation as a consequence of mature spatial integration and regional specialization. The third approach consists in defining the place and the role of a region in the national structures and processes.

Key words: *the Urals, Russia, the region, the methodology, integration, context, development, colonization, communication, administration and management factor, identity, image*

REFERENCES FOR CITATION DATADASE

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Moscow: Nauka, 2004, 600 p. (in Russ.).
- Arsenev K. I. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskogo Vospitatelnogo Doma, 1818, Part 1, 248 p.; 1819, Part 2, 290 p. (in Russ.).
- Chagin G. N. Perm: Izd-vo Tomskogo un-ta. Permskoe otd-nie, 1991, 112 p. (in Russ.).
- Gavrilov D. V. Ekaterinburg: UrO RAN, 2005, 616 p. (in Russ.).

¹⁶ Менделеев Д. И. С думою о благе российском: избр. экон. произведения. Новосибирск, 1991. С. 42, 43.

- Golovnev A. V. *Antropologiya sotsialnykh peremen: sb. nauch. tr.* (Anthropology of social change: collected papers). Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 429–444. (in Russ.).
- Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii* (History of the Cossacks of Asiatic Russia). Ekaterinburg: UrO RAN, 1995, Vol. 1, 319 p.; Vol. 2, 255 p. (in Russ.).
- Limerick P. N. Y.; L.: W. W. Norton, 2001, 416 p. (in English).
- Mendeleev D. I. Novosibirsk: Nauka; SO, 1991, 231 p. (in Russ.).
- Minenko N. A. *Regionalnaya struktura Rossii v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. Doklady: sb. nauch. tr.* (Regional structure of Russia's geopolitical and civilizational dynamics. Reports: collected papers). Ekaterinburg: BKL, 1995, pp. 50–54. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Etnokulturnaya istoriya Urala XVI–XX vv. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Ethno-cultural history of the Urals XVI–XX centuries. Proceedings of the international conference). Ekaterinburg: UrGU, 1999, pp. 238–246. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2012, № 2(35), pp. 118–126. (in Russ.).
- Regionalnye protsessy v Sibiri v kontekste rossiyskoy i mirovoy istorii: materialy userossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Regional processes in Siberia in the context of the Russian and world history: All-Russian scientific conference). Novosibirsk: Izd-vo II SO RAN, 1998, 224 p. (in Russ.).
- Rol gosudarstva v khozyaystvennom i sotsiokulturnom osvoenii Aziatskoy Rossii XVII – nachala XX veka: sbornik materialov regionalnoy nauchnoy konferentsii* (The state's role in the economic and socio-cultural development of Asian Russia XVII – beginning of XX century: a collection of materials from the regional conference). Novosibirsk: RIPEL, 2007, 319 p. (in Russ.).
- Skaftymov A. P. Moscow: "Vysshaya shkola", 2007, 535 p. (in Russ.).
- Smirnyagin L. V. *O regionalnoy identichnosti* (On the regional identity). Moscow: MGIMO-Universitet, Vol. 2, 2007, pp. 81–107. (in Russ.).
- Ustyugov N. V. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957, 336 p. (in Russ.).
- Zubkov K. I., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V., Tulisov Ye. S. Moscow: Nauka, 2008, 355 p. (in Russ.).